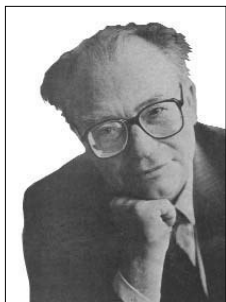

ЧЕСТНЫЙ ЭКЗАМЕН ИЗЛЕЧИТ ШКОЛУ ОТ «НЕДУГА ПРАВИЛЬНОСТИ»

Проект глобального эксперимента

Милослав Балабан

В своём письме ко мне журналист Антон Зверев недавно написал о том, что «мы всю дорогу преступно отождествляем память и умственные способности. Как это отделить в школьном менталитете?..». Попробую поискать ответ в этом кратком введении в проблему открытого (честного) экзамена.

Дело, может быть, в самом принципе «правильности», который класс-школа унаследовала от религии Яна Амоса Коменского. «Правильное знание текстов» (не только Святого писания, но и учебника) стало с лёгкой руки Коменского одной из основ технологии массового обучения. А тексты удерживаются, как известно, только в памяти. Таким образом, ёмкая память и вошла в наш обиход как синоним интеллектуального благополучия. Вместо оскорбительного «умственно неполноценный» теперь можно сказать и о тугодуме: у него, мол, плохая память. Хотя в действительности всё наоборот, ведь память (в отличие от сознания) дана нам для того, чтобы забывать ненужное для текущего бытия. Она для этого и создана природой, чтобы защищать личность от покушений на право индивидуального развития. Так что память у тугодума как раз хорошая: он быстро забывает всё ему неинтересное.

Недавно в Москве проходило очень полезное совещание по перспективам профильного обучения. По-моему, многие из поднятых на встрече проблем содержания профильного и непрофильного курсов легко снимаются при помощи честного — открытого экзамена. В ходе такого экзамена по профилю можно предлагать более детальные вопросы, ответы на которые «непрофильным» ученикам будет труднее отыскать, чем «профильным». А обычные занятия в классе при этом превратятся в микропроекты.

Вместо банального опроса те же стандартные задания будут предлагаться для поиска требуемого ответа, но не в памяти, а в том же учебнике. При этом никакого домашнего задания не требуется. Достаточно предупредить, что-де на следующем уроке мы будем беседовать на такую-то тему. Дети сами поймут, что им нужно будет посмотреть, чтобы выглядеть лучше, соображать в этой области знания более расторопно, чем другие. Вот это и значит — выполнять учебный проект.

Книжное — значит, мёртвое

Многие споры и недоразумения в педагогической среде возникают всё-таки из-за упорного непонимания, что никакого, особенно «правильного», знания передать никому напрямую нельзя. Не получается. Что можно? Лишь чуть-чуть изменить личный опыт собеседника, сделав его в какой-то точке более отчётливым, подробным. Однако истинность и достоверность полученного таким образом личного знания каждый опять-таки определит для себя сам. На опыте.

Думаю, именно заблуждение насчёт лёгкой доступности правильных («объективных», а на самом деле мёртвых) знаний и мешает продвижению образования вперёд. Почти всякому новшеству в школьном деле противостоит устойчивое мнение общества насчёт того, что где-то и прежняя модель («введение — закрепление — повторение») работает вполне результативно (читай — правильно). Чаше всего это происходит где-нибудь за границей.

Лучше правильно молчать, чем неправильно говорить?

Очень показательным в этом плане опубликованное недавно в Интернете письмо русской учительницы об обучении языкам в Англии.

Сначала она утверждает, что в начальной школе английских детей «почти ничему не учат». Затем оказывается, что «тамошние дети учатся считать, читать и писать на родном языке, но в том, что касается иностранного языка, это почти полный ноль».

В итоге ненароком выясняется, что «ноль» — это обучение живому иноязычному слову в действии, то есть, например, «рисую вместе с учениками картинку, разучивая стихи и песни, но... ни в коем случае не правила грамматики, арифметического счёта и прочие глупости».

Увы, наперекор здравому смыслу многие русские учителя продолжают обучать своих подопечных, даже и на туманном Альбионе, всё той же постылой грамматике (просто потому, что не умеют ничего другого?), ввиду чего непрерывно конфликтуют с местными родителями и педагогическим начальством. Они совершенно искренне считают, что нельзя учить детей говорить по-русски, не научив прежде склонять существительные и спрягать глаголы. Автора статьи в Интернете не убеждает даже опыт собственного сына, успешно занимающегося французским языком в московской спецшколе. «Он знает уже кучу времён, глагольных форм, умеет бойко читать по-французски, вот только совсем не способен объясниться с французами и понять, что они *говорят*».

Как видно, порок «правильности» настолько въелся в душу среднестатистического педагога России, что временами он не замечает даже явного противоречия в своих же логических суждениях. Для него ни в коем случае недопустимо делать в школе что-нибудь такое, что приведёт к неправильным (упаси Бог!) действиям или представлениям ребёнка.

Можно ли неправильно спросить дорогу или поздравить с днём рождения?

Впрочем, не только одни русские учителя стремятся к вожделенной правильности, даже и не упирая при этом на грамматику.

Описывая содержание курса иностранного языка в британской школе, наша сооте-

чественница как бы опускает слово «правильно», но оно легко угадывается, когда читаешь, например, что детей там тренируют (правильно?) понимать объявление о времени работы магазина, спросить дорогу, понять ответ прохожего, написать поздравительную открытку, ответить на письмо иностранного друга. Если же всерьёз, как говорится, «дополнительно» подумать, то можно прийти к выводу: любой патентованный набор готовых, безупречно правильных учебных прописей лишь обедняет и во многом извращает реальное овладение языком. Поскольку расчитан на запоминание, а не живое говорение субъекта — единственного и уникального автора своей речи. Тем паче, что работают подобные «общепитовские» клише лишь в типовой обстановке, коей на деле не существует. Да и заставить реального собеседника изъясняться объективно так, как предписывает учебник, — весьма проблематичная, в общем, задача. Вот почему в жизни и получается далеко не то, чему учат и что сдают в школе.

Именно правильное знание проверяется на каждом обычном экзамене

Правильность искомого ответа составляет основную трудность всякого экзамена — это, пожалуй, аксиома. Но если бы правильный вариант не требовалось заучивать, а разрешалось вместо этого просто найти в подручном материале, то экзамен сделался бы гораздо легче, интереснее, удобнее. Правда, на него уходило бы больше времени. Но зато не нужно было бы содержать специальные и очень дорогие независимые центры, чтобы как-то избежать коррупции среди учителей. И проходил бы этот экзамен в открытом режиме взаимных подсказок, без пресловутого лукавства, прятания, шпаргалок и погонь.

За что будут выставляться отметки на честном экзамене?

Как известно, на занятиях по любым школьным предметам (за исключением физкультуры, пожалуй) идёт на самом деле обучение не знанию, а одной из узко-

дисциплинарных грамот. Точнее, умению более-менее ловко и быстро обращаться со специфическими (литературными, географическими, химическими и др.) текстами. Дети учатся читать их, понимать, а иногда и создавать на заданную тему. Всё это вместе специалисты и называют функциональной грамотностью. Степень овладения ею прямо соотносится со *временем поиска нужной информации*, включая: время на осмысление контрольной задачи, скорость ориентации в первоисточнике и проч. Достаточно отметить порядок времени (секунды, минуты, часы), потребного для подготовки ответа, чтобы составить грубый, но надёжный рейтинг выпускников по этому, единственному пока реальному параметру учебной подготовки.

Копушам и тугодумам можно предоставлять более удобный справочный материал либо предусмотреть «гандикап» — индекс оценки времени, позволяющий делить его на два или три, если понадобится. Ведь экзамен проверяет всё-таки не резвость интеллекта, а способность разобраться в материале. Чтобы не выносить ребёнку приговор, говоря «правильно — неправильно», нужно добиться того, чтобы каждый ответ был по-своему правильным. Как это делается учителями и сейчас, но более тактично. Просто увеличивается количество «попыток», как в спорте. Или понижается сложность поиска, если оценка идёт по более низкому разряду. А разряд может выбираться даже и самим учеником в зависимости от его сегодняшней самооценки, самочувствия, состояния духа.

Здесь уместно процитировать великолепного русского лингвиста А. Потембу, который изобрёл главное правило «функциональной грамоты» ещё задолго до появления самого понятия. Он говорил: науки выполняют функцию стекла, сквозь которое мы по-новому смотрим на мир. Но как только мы переключаем внимание на само стекло, так тотчас и весь окружающий мир исчезает. Осваивая школьные предметы, дети постоянно, неотрывно смотрят на «стекло» и в результате ничему не учатся. Хотя, скажем, забивая гвоздь, строитель не высчитывает предварительно необходимую силу удара произведением массы молотка на его ускорение, а скорее по опыту, интуитивно учитывает эти, как и многие другие факторы.

Предлагаемая поправка к процедуре экзаменов ориентирует всё школьное образование именно на функциональную грамоту «по Потембе». Ученику достаточно знать, что в справочниках по

физике существует формула под названием «Второй закон Ньютона». И если ему понадобится для каких-то технических целей определить вес нужной детали, он без труда отыщет требуемую формулу. Именно такой функциональной грамоты не хватает выпускникам школ и вузов, которым, в сущности, не дозволяется смотреть на мир сквозь призму науки, а вместо этого предписано исследовать структуру самой этой призмы и запоминать её хитроумное устройство.

Обычно возражают: дескать, меняя параметр оценивания (внедряя «процент выполнения заданий на время»), вы не трагируете самой сути теста — манипуляцию со знаковыми системами.

Второе, не менее важное: кто субъект тестирования? Сегодня очевидно, что музыку заказывают вузы, для поступления в которые нужна вполне банальная натасканность.

Что на это ответить? Только одно: не ломайте себе голову над мерками. Раз на выпуске обязательно нужно устроить бега учеников на отметку, то и неважно, по большому счёту, что там меряют. Главное, чтобы критерии были максимально гуманными плюс соответствовали бы тому, чему детей обучали. Тогда явная ложь не будет ломать детям души.

Исключая в принципе запоминание чужих текстов как негласную цель обучения, мы меняем содержание экзамена. Он становится больше похожим на то, чему хорошие учителя учат детей на всех хороших уроках — находить что-нибудь новое, необычное, полезное и интересное в традиционных, всем известных произведениях человеческого ума. **НО**